

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-191-199

© А. М. Грачева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ А. М. РЕМИЗОВА 1940-х ГОДОВ

В 1950-е годы, в конце своего жизненного пути, Алексей Ремизов так охарактеризовал базовые свойства своего мировосприятия, ставшие психологическими основами его художественного творчества: «Моя душа, обжигаясь, плачет тяжелыми слезами. Огонь не влага. Я заметил, только в таком состоянии у меня возникает пламень слова. <...> Кроме такого „схватило за сердце“, от чего еще источник слова — это „веселость духа“, радость жизни, не смотря ни на что. И про это я знаю. „Веселость духа“ и „жгучесть“ — под таким двойным знаком прошла моя жизнь».¹

Для Ремизова «веселость духа» — это сложный концепт, семантика которого при сохранении основы претерпевала существенные изменения в различные периоды жизни писателя. В его состав входит и категория «смеха».

Изучение этой части авторского мировоззрения — отдельная и сложная научная проблема. Остановимся на таком ее аспекте, как история и семантика литературных мистификаций Ремизова, хронологически ограничив анализ 1940-ми годами и только пунктиром наметив предшествующие стадии проявления этого вида жизнетворчества писателя.

Способность разыгрывать — вводить окружающих в заблуждение — была воспринята Ремизовым еще в детстве, от матери. Зная писателя с малых лет В. А. Зайцева (урожденная Орешникова) вспоминала: «Маленький Алексей Ремизов был необычайно одарен: редкая память, воображение, способность к наукам (математика и естествознание), богатая фантазия <...> Но детство его проходило в довольно мрачной обстановке <...> Дядя Алексея, братья Найденовы, по-видимому, только отталкивали талантливого ребенка, находившего выход своему темпераменту в шалостях и каверзных проделках. И это было единственное, в чем его поддерживала мать. (Например, мать с сыном посылали разным лицам, часто незнакомым, большие конверты без марок, туго набитые нарезанной газетной бумагой)».² Эти отправленные наложенным платежом «туго набитые» конверты должны были производить впечатление конвертов с деньгами и на мгновение создавать у получателя иллюзию осуществления мечты — получения внушительных денежных средств. Таким образом, целью розыгрыша была насмешка или даже издевка над объектом розыгрыша, который в дальнейшем был обречен на горькое разочарование. Но по сути, такая довольно жестокая шутка была проявлением одной из низовых форм народной смеховой культуры. Свойство шутить на грани фола или переходя черту дозволенного в «образованном» обществе осталось у писателя до конца его жизни.

Став профессиональным литератором и войдя в круг петербургской художественной элиты конца 1900-х — 1910-х годов, Ремизов избрал для себя маску отверженного писателя-чудака, склонного к необычному поведению и розыгрышам. Из этой поры наиболее известна «история с обезьяньим хвостом»,³ случившаяся на новогоднем маскараде 1911 года и так изложенная в мемуарах Г. И. Чулкова: «На маскарад был приглашен, между прочим, один писатель, который по любви своей к чудачествам объявил Анастасии Николаевне (жене Федора Сологуба — Чеботаревской. — А. Г.), что ему для его костюма необходима обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим

¹ Ремизов А. М. «Объявление» и другие записи. <1950-е гг.>. Автограф // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 30. Л. 2 об. — 3.

² Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, вступ. статья, аннот. именной указатель А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 199–200.

³ См. подробнее: Обатнина Е. Р. От маскарада к третьей инстанции («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 3. С. 448–465).

трудом достала у кого-то желанный предмет и дала его шутнику с предупреждением, что с ним надо обращаться бережно. Представьте себе ее ужас, когда любитель шуток явился на вечер в своем обычном пиджаке, из-под которого торчал обезьяний хвост. В этом заключался весь его маскарадный костюм. Но главное — был отрезан хвост от драгоценной шкуры. Это уже был скандал. Сам хитрец вышел сух из воды». ⁴ Суть этой шутки заключалась в скрытом издевательстве над рафинированным обществом эстетов и интеллектуалов, по мнению Ремизова — бывшего универсанта-естественника, согласно теории Ч. Дарвина также произошедших от обезьян. Это была завуалированная насмешка и над неприкосновенностью буржуазного права собственности — в данном случае, собственности семьи Федора Сологуба, как выяснилось в ходе последовавшего разбирательства, только теоретически отбросившего от себя ветхие одежды филлистера. Спустя десятилетия, в 1957 году, Ремизов вспоминал неадекватное восприятие своих шуток теми, кто был лишен способности остротенно взглянуть на людей и обстоятельства, не мог войти в пространство смеховой культуры: «Что-то во мне других возмущает. Однажды, не помню, у кого за обедом мы оказались соседи с Ф. К. Сологубом. Помню, я был в таком своем веселом расположении. / Ф. К. Сологуб, не обращавший внимания на соседство со мной, вдруг отчетливо повернулся ко мне, как к провинившемуся школьнику <...>. С нескрываемым раздражением спросил: / — Почему вы все врете? / И я, словно разбуженный, растерянно смотрел, ничего не отвечая. И что я мог ответить? / А другой памятный случай в 1922 году в Берлине. Из Москвы приехал М. О. Гершензон <...> Не расспрашивая меня, сказал: / — Вы над всем смеетесь. <...> Стало быть, я „все вру“ или над всем смеюсь. Вспомнил эти два отзыва от людей не добрых, а пламенных». ⁵

Чисто игровую природу первоначально имела и созданная в 1907 году для детей Обезьянья Великая и Вольная Палата (Обезвелволпал). ⁶ Мистификация присутствовала в самой иерархической структуре Обезвелволпала. В Манифесте этой «организации» заявлялось, что во главе ее стоит «царь обезьяний — Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа-Асыка-Первый-Обезьян-Великий: о нем никто ничего не знает, и его никто никогда не видел». ⁷ От имени этого царя-невидимки бессменный канцеляриус Палаты Алексей Ремизов проводил награждения специальными знаками и грамотами входивших в нее князей, кавалеров и служек. Однако в дальнейшем шутка для детей обернулась острой политической сатирой. После Октября 1917 года Обезвелволпал трансформировался в своеобразную форму ненасильственного сопротивления большевистскому режиму, став антитезой набиравшему силу «крошечному» миру большевистской диктатуры.

В русском Берлине 1921–1923 годов, в атмосфере ощущения свободы после выезда из Советской России, Ремизов полномасштабно раскрылся как мастер розыгрышей и шуток. ⁸ После переезда в Париж его мистификации почти прекратились, хотя в письме от 11 июля 1925 года писатель сообщал своему другу В. А. Залкинд: «Я еще продолжаю „творить безобразия“: выдумываю всякие глупости и создаю несуществующие, т. е. я еще жив!» ⁹

До 1930-х годов ремизовская «веселость духа» в основном переключилась в область особой формы литературной критики. Непродолжительное время писатель вел в газетах и журналах специальные сатирические рубрики, состоявшие из кратких за-

⁴ Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 175.

⁵ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 323–324.

⁶ Подробнее см.: Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 207.

⁸ См.: Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций. «Конклав» Саркофагского // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 182–209.

⁹ Флейшман Л. С. Из комментария к «Кукхе»: конкректор Обезвелволпала // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. С. 180.

меток. В них высмеивались семантические и стилистические огрехи современных писателей и журналистов. Сходные по типу заметки литературного пуриста¹⁰ Ремизов помещал в начале 1930-х годов в периодических изданиях «Своими путями», «Простая газета», «Ухват», «Новая газета».¹¹

Так, в пражском журнале «Своими путями» Ремизов вел раздел «Цапля» (семантика названия восходила к слову «цапля» — «придирчивый, привязчивый человек»¹²), в котором писатель высмеивал стилистические и семантические огрехи современных литераторов и журналистов. Например:

«Георгию Иванову»

Есть поэт Ключев и зовут его не Николай Васильевич, а Николай Алексеевич; Николай же Васильевич был Гоголь, а из современников — барон Дризен («Дни»).

Барону Дризену

Вы пишете: „что называется, на последнем издыхании“.

— Бога ради! Что хотите и как хотите, только не „на“, а „при“. («Возрождение»).

<...>

Д. С. Мережковскому

„Продираться сквозь мертвые дебри учености к живым родникам знания мне помогают немногие спутники. Из старых — такие ученые, как Шамполион, Лепсиус, Бругш, и мудрецы и поэты — Гете, Шеллинг, Карлейль, Мицкевич; из новых — Ницше, Ибсен, Вейнингер, Вл. Соловьев, Розанов и, величайший из всех, Достоевский. *Не услышали их, и меня не услышат.* Великая скорбь и радость — быть не услышанным с ними“. Благодарите Бога, что спутники вас не слышат: народ, хоть и не обидчивый, но совсем не компанейский! («За Свободу!»).¹³

В 1930-е годы возможность печатной реализации ремизовской «веселости духа» резко упала в связи с обусловленным мировым экономическим кризисом сокращением количества эмигрантских газет и журналов.

После Второй мировой войны, в 1940-е годы, русская периодическая печать так и не набрала того размаха, какой она имела в 1920–1930-е годы. С трудом появлялись новые издания, и еще более маловероятным делом было возникновение новых издательств. Выходившие книги получали значительно меньшее количество откликов и рецензий, чем опубликованные в довоенные годы. С этими реалиями послевоенной жизни и были связаны последние розыгрыши Ремизова.

В Париже в 1946 году был выпущен «Русский сборник», одним из организаторов и авторов которого был Б. Г. Пантелеймонов. В 1947 году Ю. П. Одарченко выступил как соредaktor и соавтор вышедшего из печати там же альманаха «Орион». Это были первые послевоенные коллективные печатные выступления парижской литературной эмиграции. В 1949 году Одарченко опубликовал сборник своих стихов и прозы «Денек». В эти же годы С. К. Маковский строил планы создания коллективного сборника произведений русских эмигрантов. Все это в совокупности представляет собой тот реальный контекст, на фоне которого возникли финальные мистификации Ремизова.

¹⁰ См. ремизовскую подборку этих публикаций: Рукописный альбом Алексея Ремизова «Щуп и цапля» 1948 г. / Вступ. заметка, публ., комм. А. М. Грачевой // Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Ed. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018. P. 409–422 (Stanford Slavic studies. Vol. 48).

¹¹ См.: Янгиров Р. «Новая газета»: к истории печатного диалога молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции; «Новая газета. Двухнедельник литературы и искусства» (Париж). 1931. № 1–5. 1 марта — 1 мая. Роспись содержания // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу. 1920–1940: Междунар. науч. конф. Женева, 8–10 декабря 2005 г. М., 2007. С. 431–483.

¹² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. IV. С. 570.

¹³ Своими путями (Прага). 1926. № 12–13. С. 48–49.

Как и самые ранние шутки, его последние розыгрыши тоже были нацелены на создание иллюзии, на дарование человеку хоть на мгновение того, чего он ждал больше всего. А в послевоенные годы заветной мечтой литераторов было обретение нового издательства, возможность опубликовать свои творения, а также получить отклик на них со стороны читателей и критики.

И вот, в письмах к Пантелеймонову, Одарченко и беседах с Маковским Ремизов начал рассказывать им, как о почти решенном деле, о близком возникновении нового издательства, называя его чаще всего «Оплешник» (чертик), реже «Лукопер», «Зык» и «Зуб». По свидетельству писателя, прямое отношение к основанию этого предприятия имел некий богатый русский эмигрант, живущий в экзотической стране — Индии (вариант: Алжире) — Владимир Сильвестрович (варианты: Вольдемар, Борис Борисович) Солончук. И новое издательство, и сам потенциальный его организатор, и, главное, его спонсор — все это было плодами богатой фантазии Ремизова. Появление созданного литератором фантома — Солончука — зафиксировано в написанном от его имени письме Пантелеймонову от 18 июня 1947 года: «Дорогой Борис Григорьевич! Из далекой, дорогой Индии гость: конгресс топонимики, имя мое в Ономастиконе промелькнет не однажды. И до нас индейцев дошел „Подорожник“ (первоначальное название «Русского сборника». — А. Г.). А когда же вторая? Я в безумии от св. Владимира (отсылка к рассказу Пантелеймонова «Святой Владимир». — А. Г.). Как это похоже на мое детство — увлечения моей утренней и вечерней <...> Вы не поверите, но у меня был дядя <...> и тоже дядя Володя. Я гордо ношу его имя, но подписываться не смею <...>. Как хотел бы я с Вами увидеться и на просторе души отвести, но повторяю, я только гость из далекой дорогой Индии, и долг зовет меня к моим служебным обязанностям».¹⁴ Как видно, в этом послании Солончук представлял восторженным почитателем творчества Пантелеймонова.

Новое явление Солончука — призрака, созданного воображением писателя, — пришлось на 1949 год. Лето было жарким, и многие парижане, в том числе русские эмигранты, старались на это время покинуть душный город. Старый полуслепой Ремизов был обречен оставаться в своей квартире на улице Буало. Списки дневных визитеров квартиры Ремизова, регулярно фиксировавшиеся в его «Дневнике мыслей», свидетельствуют, что в июле 1949 года его навещали помогавшие по хозяйству женщины, заходила приехавшая из Нью-Йорка Н. В. Кодрянская.¹⁵ Но часто в дневных записях встречалось и лапидарное: «Никого».¹⁶ Летом вышла из печати книга Одарченко «Денек», и один из экземпляров автор подарил Ремизову. Вследствие объективных факторов это издание не получило почти никаких критических отзывов. Но Ремизов сумел восполнить этот пробел — дал автору «Денька» чаемую реакцию читателей на его детиче. С середины и до конца августа 1949 года литератор отправил Одарченко около 10 посланий, якобы написанных восторженными читателями книги. Создавая их, Ремизов не менял своего почерка, но подписывал каждое письмо именем его предполагаемого автора. При этом он не воспроизводил настоящую подпись адресанта, а создавал ее нереальный образ, соответствовавший лишь извивам прихотливой фантазии престижиста. Среди «авторов» писем прежде всего надо назвать людей, входивших в ближний круг литератора. Ремизов использовал в текстах их прозвища, придуманные им самим и известные лишь узкому числу лиц. Таково, например, послание от 13 июля, написанное знакомым Ремизова «дядей Комаровым» — Евг. Б. Сосинским. К этому фантазийному письму была добавлена приписка, будто бы сделанная помогавшей пожилому писателю поэтессой О. Можайской: «Дорогой не<р>укотвори-мый Юрий Павлович! / Пишет дядя Комаров, спасибо за память. Кто мог подумать, что приведет Бог увидеть вашу книгу. / Потеряли надежду, и лопнуло терпение. <...> / Евг. Сосинский-Комаров.

¹⁴ Пантелеймонов Б. Собр. соч.: В 3 т. Омск, 2014. Т. 3 / Сост. И. А. Маханова, В. И. Селюк. С. 186.

¹⁵ См.: Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2017. Т. III: Март 1947 — февраль 1950 / Отв. ред. А. М. Грачева. С. 450–463.

¹⁶ Там же. С. 458.

Дорогой Юрий Павлович! / Спасибо за Ваши стихи, [кот<орые>] очень рада [иметь]. Алексей Михайлович мне их подарил. Пожелание: пишите и издавайте [2-ую] книгу! / Искренне Ваша О. Можайская».¹⁷

Кроме эпистол от людей обычных, Ремизов сочинил и послал Одарченко восторженные отклики от известных персон. К этому типу откликов относится, например, следующее письмо от 23 июля: «Пишу под диктовку. / Они стесняются почерка своего пера и на письма не отвечают только потому, что, а не из-за бумаги и неумения выражаться. / Дорогой Юрий Павлович! / Оба мы благодарим Вас и Вашу книгу чудесных стихов. Буду читать в дороге — 5-го уезжаю на месяц в деревню. <...> / Верю, встретимся в „кукушкиной“ / *Сергей и Леонид Лифарь*».¹⁸

24 августа литератор написал Одарченко послание, будто бы пришедшее от находившегося в то время в Нью-Йорке поэта и переводчика ООН Вадима Андреева: «Дорогой Юрий Павлович! / „Денек“ мне переслали в Америку. / Читаю, восхищаюсь. Вам — первое место. / Все, что до Вас появилось, как ночная бабочка на заре — пыль и мажется. / *Вадим Андреев*».¹⁹

На гребне «девятого вала» поднятой воображением Ремизова бури восхищения читателей произошло новое явление его фантома — Владимира Солончука, — который в 1947 году был поклонником произведений Пантелеймонова. Вот письмо этого фантастического персонажа от 28 июля: «Пишет Владимир Сильвестрович Солончук, ваш земляк, постоянное место жительства в Индии, в Париже из Брюсселя со съезда Топонимии (sic!). / Дорогой Юрий Павлович! / Сегодня мои именины. Вспоминаю нашего дядю Володю. Когда прочитал Ваш рассказ, вдруг все вспомнил: Псел, первую навигацию (отсылка к рассказу Ю. Одарченко «Псел». — А. Г.). Как сейчас вижу Вас, Коленку и как через костер прыгаем. Стремился к Вам, но прохладиться в Париже не рука, еду к нашему общему другу во St.-Piat К. И. Солнцеву, половлю рыбки и домой в Индию. Будет Ваш „Денек“ и на Ганге. Дураки говорят священный, а я говорю — преосвященный. Пишите <:> *Индия*, До востребования. А я Вам свою вышлю „Надутые паруса“ — все о именах городов (Торонуміе) / *Вольдемар Солончук*».²⁰

Как видим, спустя два года со времени первого послания Солончука Ремизов сохранил ту же схему. Письмо было будто бы написано в момент пребывания этого ученого во Франции транзитом с конгресса (вариант: съезда) *Топонимии* в Индию. Фактически случайное обретение им только что вышедшей книги, и ее восторженное прочтение. Во втором послании автор мистификации напрямую «обнажал» игровую природу текста в обратном адресе: «*Индия*, До востребования».

Тем же летом Ремизов рассказывал Маковскому о фантастически позитивных намерениях Солончука как потенциального спонсора так чаемого писателями нового эмигрантского издательства. Отметим, что Маковский не раз был «жертвой», а также одним из объектов шуток писателя. В Вейдле вспоминал о Ремизове: «Прихожу раз к нему, вижу на его столе обломок мраморной крышки какого-нибудь ночного столика или комода конца прошлого столетия. „Это, — говорит он, хитро улыбаясь, — Сергей Константинович Маковский в Греции побывал, вот мне и привез. С Акрополя, кусочек Парфенона“. Знал, конечно, что никто ему не поверит. Да и в Грецию Маковский вовсе не ездил. / — Алексей Михайлович, bravo! Это в Ваше полное собрание сочинений должно войти».²¹

В письме от 14 августа 1949 года Ремизов в шуточном тоне поведал своему постоянному confidentу — Н. Кодрянской — о дальнейшем разворачивании истории с придуманным им новым издательством и его спонсором: «Приходил прощаться Копытчик (ремизовское прозвище Маковского. — А. Г.). Про моего „Оплешника“ стали говорить „Оплешник“, — все поверили и волнуются. И во вдохновителя-чародея

¹⁷ Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Вступ. статья, комм. А. М. Грачевой; подг. текстов писем А. М. Грачевой, В. П. Полыковской // Наше наследие. 1995. № 33. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Вейдле В. О тех, кого уже нет // Новый журнал (Нью-Йорк). 1993. № 192–193. С. 329.

Солончука, (к сожалению, Солончук уезжает в Индию, в Калькутту). <...> Копытчик без обещаний: он убежден, что „Оплешник“ меня будет печатать, а Солончук платить гонорар 5000 frs в месяц. <...> На „Оплешник“ я не отозвался (мне было не совсем, когда я вдруг понял всю силу очарования моего «Оплешника»)).²²

Продолжение истории о в то время *мифическом издательстве* «Оплешник» и его спонсоре находим в письме Ремизова Г. П. Струве от 8/25 октября 1949 года: «Пошли те стихи С. К. Маковскому <...> для „Оплешника“ / (Оплешник — чаровник). / Появился из Алжира Солончук, хотя имя православное Борис Борисович, а магометанин, швыряет деньги, отвалил на мечеть и попал к Маковскому. Учился он в Оксфорде и вас называет учителем, пишет стихи. Ко мне его приводил Бахрак. А Маковский скрывает и только по воскресеньям вывозит к Крымову. Мало я верю этому Солончуку, вроде он Басаврюка и ни с того ни с сего песни поет и в непоказанное время. А в „Оплешник“ верю. „Новоселье“ выйдет только к Рождеству. Надо же во что-нибудь верить. <...> Парижский архив я дал на хранение Конс<тантину> Ив<ановичу> Солнцеву в St. Piat. <...> А Солнцев уехал в Америку, книжник, а рубит лес».²³

В те же годы Солончук стал героем текста сна Ремизова «Пылесос», вошедшего в книгу «Мартын Задека. Сонник» (впервые: Париж, 1954): «У меня было двенадцать подземных комнат и двенадцать ключей — их у меня отняли. Я набрал на дворе тряпок. Ключи и тряпки унесли в кладовую, куда мне доступ закрыт. А Солончук, без которого я шагу не ступаю, щелкнув меня в лоб — „рука всевышнего“, ушел от меня. До потери голоса я спрашивал себя, что же такое случилось, кругом такая нищета и сам я ни на что не похож. <...> А со стены из объявления вышел Солончук и, не говоря ни слова, подал мне ключи, ворох тряпок и мешок ржаной муки для заварки густого клейстера».²⁴

По сути, адресаты последних ремизовских мистификаций понимали и принимали ремизовскую «игру». Ни от одного из них не последовало обидных или раздраженных откликов на полученные послания. Они прекрасно осознавали, что Ремизов дал им повод улыбнуться и хоть на минуту поверить в чудесное разрешение проблем и тягот послевоенной жизни «России в изгнании».

В 1950 году Пантелеймонов скончался. В посвященной его памяти статье-некрологе «Стекольныйщик», впоследствии включенной в книгу «Мышкина дудочка», Ремизов писал: «Он был необыкновенно доверчивый. / Без обмана я жить не могу. / Мечтая, обманываю себя и радуюсь, обманув других. Люди сурьезные, трезвые — скучные люди осуждают: врет все. Одно лето, карауля Париж — живу в полном затворе — я „систематически“ обманывал Одарченка-Бормосова («Денёк») и Копытчика — С. К. Маковского. Чарыми цветами я засыпал их глаза — и они мне поверили. Но кто оказался несомненнее, это Пантелеймонов. В Париж на съезд Топонимии из Индии, конечно! приехал Солончук, о Пантелеймонове он слышал, конечно! и пишет ему письма. Самое горячее признание. Разжег и временно пропал <...> Всему верит — верит, что он „единственный“ и „ниоткуда не происходит, ну, как Мусоргский“, верит в „Оплешник“, „Лукопера“, „Зык“ и „Зуб“ — басаврючи литературные затеи Солончука. Да что Солончук, он поверит и в дружественную юмористическую критику, и розовый смешливый листок будет вкладывать в свои зеленые книги».²⁵

Текст ремизовской статьи является свидетельством того, что вскоре после эскапады мистификаций их автор сам раскрыл свои «секреты Полишинеля» и отметил адекватную реакцию адресатов своих шуток.

В 1951 году тень ремизовского фантома Солончука возникла в повести Ремизова «Бова Королевич». Ее главный герой спрашивал своего старого воспитателя Сини-

²² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 137.

²³ Ремизов А. М. Письмо Г. П. Струве. 8/25 октября 1949 г. // Hoover Institution Archives (Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA).

²⁴ Ремизов А. М. Мартын Задека. Сонник // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 421.

²⁵ Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 123–124.

балду: «...а что с архивом отца? — Все бумаги я передал в верные руки, <...> Константину Ивановичу Солнцеву. — Который это Солнцев? <...> — Солнцев! друг Солончука и можно сказать родственник, оба из Индии, имена мифические. — Не пропадет? — Мифические! — повторил Синибалда».²⁶

Сюжетный мотив «архив — Солнцев — Солончук» возник в повести в связи с реальными обстоятельствами. В 1946–1947 годах Ремизов разбирал свой огромный личный архив 1920–1930-х годов. В этом деле ему помогал Константин Иванович Солнцев (1893–1961)²⁷ — выпускник историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета, ученик проф. И. А. Шляпкина, историк литературы, журналист, эмигрант, во Франции работавший шофером. Он жил недалеко от Шартра в городке Сен-Пиа (St. Piat), публиковал рецензии и библиографические заметки в периодической печати и собирал библиотеку эмигрантских изданий. В середине 1940-х годов Солнцев задумал создать во Франции объединенный Архив русской эмиграции, чтобы восполнить безвозвратную, как тогда думали эмигранты, утрату в 1945 году Пражского Исторического архива. В связи с этим замыслом Ремизов передал ему для будущего учреждения свой гигантский личный архив 1920–1930-х годов. В 1948 году Солнцев уехал в Америку, без разрешения захватив с собой архив писателя. В США он преподавал русский язык и литературу в Сиракузском университете, скончался в Нью-Йорке. После смерти Солнцева его личный архив, коллекции книг и документов, и в том числе архив Ремизова, хранились у его вдовы в неблагоприятных условиях — в непригодном для подобных целей подвале частного дома,²⁸ пока не были приобретены почитателем русской культуры, меценатом и коллекционером Томасом Уитни. Ныне все материалы находятся в Архиве основанного им Центра русской культуры Амхерст-колледжа (США).

Одним из последних «явлений» мифического Солончука при жизни Ремизова была его подпись на Обезьяньей Грамоте 1952 года, нарисованной и выданной писателем мальчику Саше — Александру Вадимовичу Андрееву (1937–2016), сыну писателя В. Л. Андреева. Весь текст Грамоты написан самим Ремизовым.²⁹ Под свидетельством о присуждении звания кавалера Обезвельволпала стоят изображенные самим же писателем подписи «свидетелей» ее выдачи — Кавалеров Обезвельволпала, причем у каждого указано его настоящее имя и ремизовское прозвище. Среди таких двойных «данных» только два имени написаны без дублирования: приведено лишь ремизовское прозвище О. Емельяновой-Можайской («Менада»), без его расшифровки, и четко выведено одно имя без прозвища: «В. Солончук».

Ремизовские кунштюки 1940-х годов имели несколько реальных последствий. В 1950 году неоднократные шуточные рассуждения литератора о новом издательстве материализовались в созданное с помощью друзей на мизерные средства самого писателя эфемерное реальное издательство, которое получило название, уже «опробованное» в мистификациях Ремизова, — «Оплешиник». В нем фактически методом «сам-издата» были опубликованы почти все произведения литератора 1950–1957 годов. Серию открывала книга «Повесть о двух зверях. Ихнелат».³⁰ Это был ремизовский пересказ древнерусской легенды, источником которой стал рассказ из древнеиндийской «Панчатантры». Первые черновые наброски новой повести датированы 1948 годом,³¹ как обычно, им предшествовала работа писателя над «материалами». Возможно, с этими подготовительными трудами и связано возникновение «индийской праосновы» легенды о Солончуке. Как уже было показано, парижские адресаты ремизовского

²⁶ Ремизов А. М. Бова Королевич // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 508.

²⁷ О К. И. Солнцева см.: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я / Под ред. Л. Мнухина, М. Аврель, В. Лосской. С. 169.

²⁸ Сообщено Т. Уитни автору данной статьи.

²⁹ См. фотокопию Грамоты в кн.: Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные... С. 330, 331 (вклейка).

³⁰ Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж: «Оплешиник», 1950.

³¹ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 6. С. 727.

розыгрыша 1940-х годов в реальность живущего в Индии специалиста по топонимике не поверили. Зато удалась *посмертная мистификация* Ремизова, объектами которой вновь стали друзья писателя — ученые и публикаторы его наследия.

В 2001 году Е. Р. Обатнина в своей монографии «Царь Асыка и его подданные...», основываясь на текстах уже процитированного письма Ремизова Г. П. Струве, Грамоты Саше Андрееву и книги «Мышкина дудочка», ввела в Список членов Обезвельволпала номинацию: «*Солончук Борис Борисович* / один из сотрудников издательства „Оплешник“ <...> / Кавалер обезьяньего знака». ³²

В 2013 году В. П. Енишерлов опубликовал в журнале «Наше наследие» откомментированные им же письма Ремизова Пантелеймонову. Разъясняя фразу Ремизова из письма от 28 декабря 1949 года: «Расскажу о Солончуке: Вы были правы: появился в образе англичанина», ³³ — главный редактор журнала «Наше наследие» дал следующий комментарий: «*Владимир Солончук* — знакомый Б. Пантелеймонова и А. Ремизова. В архиве Б. Пантелеймонова сохранилось письмо В. Солончука от 18 июня 1947 г. (копия в собрании журнала «Наше наследие»), с которого началось знакомство адресата с Солончуком: „Дорогой Борис Григорьевич! Из далекой, дорогой Индии гость (далее с купюрами процитировано уже приводившееся в настоящей статье письмо Ремизова, созданное под маской «индийского гостя»). — А. Г.)“». Солончук имел отношение к организации издательства „Оплешник“. ³⁴ В конце этого комментария также было процитировано все то же письмо Ремизова Кодрянской от 14 августа 1949 года.

В 2014 году, в третьем томе Собрания сочинений Пантелеймонова, его составители, основываясь на тексте, приведенном в комментарии Енишерлова, опубликовали среди прочих письмо: «*В. Солончук — Б. Г. Пантелеймонову*. / 18 июня 1947 г.». ³⁵

Наконец, в 2017 году вышел из печати третий том «Дневника мыслей» Ремизова. В нем, в частности, был опубликован список лиц, посетивших литератора 1 мая 1949 года, и среди них самим Ремизовым указаны имена: «Солончук» и сразу же вслед за ним «Солнцев». ³⁶ Поскольку на «дневных» страницах «Дневника мыслей» Ремизов записывал *реальных* посетителей своей квартиры, а не персонажей снов, то комментаторы (автор настоящей статьи и Л. В. Хачатурян), основываясь на составе Списка членов Обезвельволпала, приведенного в авторитетной монографии Обатниной, в аннотированном указателе к третьему тому «Дневника...» повторили вышеназванные данные об интересующем нас лице: «*Солончук Борис Борисович* — эмигрант, знакомый Ремизова, помощник по выпуску книг в изд-ве „Оплешник“». ³⁷

Что же случилось в квартире на улице Буало 1 мая 1949 года? Произошла ли мистическая материализация фантома, который в письмах Ремизова перед возвращением в Индию постоянно уезжал ловить рыбу в Сен-Пиат к своему приятелю — Солнцеву, или действительно к писателю пришел кто-то, кого тот зашифровал под вымышленным именем «Солончук»? На данный момент можно только высказать некоторые предположения. Возможно, данная дневниковая запись — это уникальный случай внесения писателем «игровой» информации на «священную» страницу реальности, прецедент, обусловленный неоднократно озвученным фактом мифологической биографии ремизовского Солончука — его дружбой с Солнцевым. Как известно, в 1948 году Солнцев уехал в США, и, скорее всего, 1 мая 1949 года в гостях у Ремизова не было *ни* Солончука, *ни* Солнцева. Как уже упоминалось, в дальнейшем поразивший Ремизова невообразимый с этической стороны поступок Солнцева сделал возможным смысловое продолжение «игровой» первомайской записи и побудил литератора к последующему слиянию образов реального Солнцева и фантазийного Солончука в два мифологиче-

³² Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные... С. 360.

³³ «В наше суровое, не сказочное время...» Письма А. М. Ремизова и Б. Г. Пантелеймонова / Вступ. заметка, публ. и комм. В. П. Енишерлова // Наше наследие. 2013. № 107. С. 68.

³⁴ Там же. С. 69.

³⁵ Пантелеймонов Б. Собр. соч. Т. 3. С. 186–187.

³⁶ Ремизов А. Дневник мыслей 1943–1957 гг. Т. III. С. 261.

³⁷ Там же. С. 714.

ских образа в уже процитированном отрывке из повести «Бова Королевич». Надо отметить, что в полной описи архива Солнцева в Архиве Центра русской культуры Амхерст-колледжа никаких следов его «приятеля» обнаружить не удалось. Этот, так и до настоящего времени полностью не разгаданный «казус Солончука» и является финалом (а может быть, также только этапом) многолетних мистификаций Алексея Ремизова, писателя, который наверняка преподнесет своим исследователям еще много загадок.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-199-215

ПЕРЕПИСКА Г. И. ГАЗДАНОВА И Г. А. ХОМЯКОВА (АНДРЕЕВА) 1964–1967 ГОДОВ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Ю. В. МАТВЕЕВОЙ)

Жизнь и творчество писателя первой волны эмиграции Георгия Ивановича Газданова (1903–1971) за последнюю четверть века достаточно изучены. Опубликовано его художественное и публицистическое наследие, значительная часть наследия эпистолярного. Имя Газданова давно не нуждается в комментариях.¹

Фигура Геннадия Андреевича Хомякова (псевд. Андреев, реже — Н. Отрадин, Г. А.; 1904–1984) гораздо менее известна, и на сегодняшний день не так много исследований, которые бы ее затрагивали.² Его жизненная школа в СССР была исключительно суровой: ранний, в 17 лет, арест, заключение сначала в Соловецком лагере особого назначения, а потом и в других северных лагерях, опыт выживания на советской периферии с «волчьим билетом» лагерного прошлого, война, темный и совершенно недоступный постороннему взгляду, как у большинства эмигрантов Ди-Пи,³ период укоренения в европейском мире. Пройдя все это, Хомяков осел на какое-то время в Германии. Активно включился в общественную и литературную деятельность: был известен как деятель НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) и ЦОПЭ (Центрального объединения политических эмигрантов из СССР), участвовал в создании «Товарищества зарубежных писателей», печатавшего многие запрещенные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

¹ См. библиографию изданных в России и за рубежом произведений, писем, выступлений Газданова, а также мемуарных и научно-критических публикаций о жизни и творчестве писателя, составленную Л. Диенешем и Т. Н. Красавченко (*Газданов Г. Собр. соч.*: В 5 т. М., 2009. Т. 5: Письма. Полемика. Современники о Газданове / Под общ. ред. Т. Н. Красавченко; сост., подг. текста, комм. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко. С. 538–689).

² *Бабичева М. Е.* Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки. М., 2005. С. 47–74; Письма к Игорю Чиннову [Г. Андреева (Хомякова)] / Публ. О. Кузнецовой // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. № 226. С. 169–176; Переписка Г. А. Хомякова с В. С. и Т. Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. М. А. Васильевой, П. А. Трибунского, В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2017. С. 446–504; «„Там“ наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием» (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути») / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. Трибунского и В. Хазана // Там же. 2018. С. 282–298; *Матвеева Ю. В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 87–102.

³ То есть периода Второй мировой войны: большинство из них прошло через лагеря для перемещенных лиц (displaced person).